

П. Е. Ахраменко (Мозырь, Беларусь)

БЕЗЛИЧНОСТЬ КАК ОТРАЖЕНИЕ ВНУТРЕННЕГО МИРА ЧЕЛОВЕКА

Одной из форм отражения культуры общества является язык, содержание языковых компонентов показывает всю многогранность общественного исторического достояния. Через язык можно постигнуть как особенности национальной культуры, так и попытаться проникнуть в образ мышления конкретного человека, индивида, попытаться увидеть окружающее его глазами.

Язык и культура автономны, но в то же время они соотносены с мышлением и через эту связь соединены друг с другом.

Культурный опыт, закреплен в языке в виде понятий, концептов, передаваемых посредством языка. Они помогают выявить систему ценностей, установок и традиций воспитания, присущих носителям языка. Кубрякова Е. С. отмечает, что под концептом понимается не только "оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике", но и единица универсального "синтаксиса человеческих мыслей" [1]. Таким образом, единицами, отражающими

отношение к миру, могут выступать не только лексические, но и синтаксические единицы.

А. Вежбицкая отмечает, что ключевыми лингвистическими концептами русского языка являются эмоциональность, иррациональность, неагентивность, любовь к морали [2, с. 33]. Эти значения в синтаксическом строе русского языка передаются посредством безличных конструкций, которые в силу своей «безличной природы» и в соответствии со своей семантикой актуализируют неконтролируемость эмоций, действий, состояний. Даже более – позволяют через контекст показывать характер, раскрывать особенности личности воспитания, манеру поведения. Так, через безличные конструкции можно увидеть такие особенности поведения человека, как аутизм, инфантильность и даже мазохизм. С. Л. Рубинштейн отмечал, что «речь выполняет свою функцию сообщения на основе ее смысловой, семантической, обобщающей функции» [3, с. 231]. Эти обобщения и находят свое выражение в тексте, который «пределяется как языковая ткань произведения – результат творческого процесса, его порождение» [4, с. 8].

Это можно проследить на примере рассказа А. П. Чехова «Княгиня».

Главная героиня рассказа, Вера Гавриловна, любила бывать в N-ском монастыре. Здесь ее все «трогало, умиляло и располагало к созерцанию и хорошим мыслям». Это место располагало для того, чтобы ей все начинало казаться призрачным, невесомым, добродетельным, но именно казаться. Безличную конструкцию со сказуемым в форме «казаться» А. П. Чехов использует на протяжении всего рассказа. Причем, соседство данной синтаксической единицы с двусоставными предложениями позволяет представить как нечто кажущееся, иллюзорное и посредством самих двусоставных построений: *Достаточно ей было побывать в покоях полчаса, как ей начинало казаться, что она робка и скромна, что и от нее пахнет кипарисом; прошлое уходило куда-то вдаль, теряло свою цену, и княгиня начинала думать, что, не смотря на свои двадцать девять лет, она очень похожа на старого архимандрита и так же как он, рождена не для богатства, не для земного величия и любви, а для жизни тихой, скрытой от мира, сумеречной, как покой...* [5, с. 265]

Безличность, отраженная в рассказе, является основой для построения рассказа в форме кольцевой композиции: сначала сладкое, кажущееся, иллюзорное восприятие действительности – затем жестокий мир реальности, переданный в словах доктора – и в конце опять возвращение к своему счастливому состоянию.

Первая часть – сладкое иллюзорное восприятие действительности – обозначается безличными предложениями со сказуемым «казалось», что позволяет выдавать главной героине желаемое за действительное: *Княгине казалось, что она принесла с собой извне точно такое же утешение, как луч или птичка. Ее приветливая, веселая улыбка, кроткий взгляд, голос, шутки, вообще вся она, маленькая, хорошо сложенная, одетая в простое черное платье, своим появлением должна была возбудить в простых суровых людях чувство умиления и радости.* [5, с. 265] Причем, форма «казалось» употребляется не только в безличных, но и в формально двусоставных предложениях: *От монастырского цветника повеяло на княгиню душистой влагой только что политой резеды, из церкви донеслось тихое пение мужских голосов, которое издали казалось очень приятным и грустным.* [5, с. 266]

Мечтательность желания героини приводит ее к меланхолическому состоянию, которое описывается безличными предложениями со значением желательности. Это обозначается в форме безличных предложений как с составным глагольным сказуемым, так и в форме безличных предложений с составным именным сказуемым: *В темных окнах, где кротко мерцали лампадные огоньки, в тених, в фигуре старика монаха, сидевшего на перти около образа с кружкой, было написано столько безмятежного покоя, что княгине почему-то захотелось плакать...* [5, с. 266]

Безличные с именным сказуемым в форме слова категории состояния обозначают томную, несбыточную желательность. Слово категории состояния выражается сослагательной формой «хорошо бы». Следует отметить, что в небольшом десятистраничном рассказе целый большой абзац текста с размышлениями и мечтаниями героини построен таким образом. И только в последнем предложении абзаца не употребляется слово категории состояния «хорошо» – формально предложение становится инфинитивным, но это только формально. На самом деле слово категории состояния «хорошо»

имплицитно наличествует у нас в подсознании: *Она думала о том, что хорошо бы поселиться на всю жизнь в этом монастыре, где жизнь тиха и безмятежна, как летний вечер: хорошо бы позабыть совсем о неблагоприятном, распутном князе, о своем громадном состоянии, о кредиторах, которые беспокоят ее каждый день, о своих несчастьях, о горничной Даше, у которой сегодня утром было дерзкое выражение лица. Хорошо бы всю жизнь сидеть здесь на скамье и сквозь стволы берез смотреть, как внизу под горой ключьями бродит вечерний туман, как далеко-далеко над лесом черным облаком, похожим на вуаль, летят на ночлег грачи, как два послушника – один верхом на пегой лошади, другой пешком – гонят лошадей на ночное и, обрадовавшись свободе, шалют, как малые дети; их молодые голоса звонко раздаются в неподвижном воздухе и можно разобрать каждое слово. Хорошо сидеть и прислушиваться к тишине: то ветер подует и тронет верхушки берез, то лягушка зашепестит в прошлогодней траве, то за стеною колокольные часы пробьют четверть... Сидеть бы неподвижно, слушать и думать, думать, думать... [5, с. 266].*

Первая композиционная часть могла бы и завершиться безличным предложением со значением желательности, причем, в конце предложения стоит многообразие, следовательно, мечтания могли бы и продолжаться. Но им нет предела, и поэтому, чтобы поставить точку над нескончаемыми и несбыточными мечтаниями, последнее предложение первой композиционной части начинается с противительного союза «но» в двусоставном предложении: *Мимо прошла старуха с котомкой. Княгиня подумала, что хорошо бы остановить эту старуху и сказать ей что-нибудь ласковое, задушевное, показать ей... Но старуха ни разу не оглянулась и повернула за угол.* [5, с. 266]

Вторая часть кардинально отличается по лексической наполняемости безличных предложений от первой части. В ней наличествуют такие лексемы, как страшно, стыдно, обидно и подобные. Она начинается встречей княгини с доктором Михаилом Ивановичем, имя которого упоминается лишь один раз, а в других случаях он именуется просто доктор.

Такой прием используется для того, чтобы Михаил Иванович, прежде всего, выглядел не просто доктором человеческого тела, а доктором человеческих душ. У княгини прекрасное мечтательное настроение, но на ее «приветливую и кроткую улыбку» доктор «отвечает холодно и сухо», как и подобает настоящему беспристрастному доктору человеческих душ. И вот здесь впервые состояние души княгини меняется от мечтательности к непониманию и даже страху, что также выражается формой безличных единиц, отражающих ее состояние. Ей *«страшно оглянуться назад: сколько перемен, несчастий разных, сколько ошибок!»* [5, с. 267] Но ее мысли предельно направлены лишь на ее саму, она ни о чем другом и ни о ком другом не может и не хочет ни думать, ни слушать и поэтому немного смутилась лишь потому, что сама *«она знала свои ошибки; все они были до такой степени интимны, что только одна она могла думать и говорить о них».* [5, с. 268]

В речи доктора, обличающей в несправедном поведении и несправедливости княгиню, преобладают двусоставные предложения. Но состояния своей души он передает с помощью безличных. Он корит ее за «нелюбовь и отвращение к людям», за то что *«молодых медиков, агрономов, учителей, вообще интеллигентных работни-*

ков, боже мой, отрывают от дела, от честного труда и заставляют из-за куска хлеба участвовать в разных кукольных комедиях, от которых стыдно делается всякому порядочному человеку!» [5, с. 269]

Безличные предложения со значением слухового восприятия и со сказуемым, в котором глагольная связка употребляется постоянно с частицей «не», функционируют в качестве придаточной части цели: *У всех дверей на лестницах стоят сытые грубые и ленивые гайдуки в ливреях, чтоб не пускать в дом неприлично одетых людей; в передней стоят стулья с высокими спинками, чтоб во время балов и приемов лакеи не пачкали затылками обоев на стенах; во всех комнатах шершавые ковры, чтоб не было слышно человеческих шагов; каждого входящего обязательно предупреждают, чтобы он говорил потише и поменьше и чтоб не говорил того, что может дурно повлиять на воображение и нервы.* [5, с. 268].

Отрицанием, в том числе с использованием безличных предложений со значением отрицания со сказуемым «нет» в нулевой форме, но которое восстанавливается из контекста, пронизана вся гневная речь доктора: *То есть я хочу сказать, что вы глядите на всех людей по-наполеоновски, как на мясо для пушек. Но у Наполеона была хоть какая-нибудь идея, а у вас, кроме отвержения, ничего!* [5, с. 269] Употребляются в его речи и безличные со значением необходимости, но необходимость-то, поскольку речь обличительная, оказывается либо ничтожной, либо ненужной для выполнения: *Этак раза два в неделю, вечером, скажут тридцать пять тысяч курьеров и объявляют, что завтра княгиня, то есть вы, будет в приюте. Это значит, что завтра нужно бросать больных, одеваться и ехать на парад.* [5, с. 270]

Княгиня еще ничего не хочет понимать, ей по-прежнему лишь все представляется, кажется: *Никогда раньше с нею не говорили таким тоном. Неприятный сердитый голос доктора и его неуклюжая, заикающаяся речь производили в ее ушах и голове резкий, стучающий шум, потом же ей стало казаться, что жестикулирующий доктор бьет ее своею шляпой по голове.* [5, с. 269]

В авторских словах используются безличные со значением восприятия возможности и отрицания наличия чего-либо: *Доктор захохотал басом и махнул рукой... Смеялся он тяжело, резко, с крепко стиснутыми зубами, как смеются недобрые люди, и по его голосу, лицу и блестящим, немножко наглым глазам можно было понять, что он глубоко презирал и княгиню, и приют, и старух. Во всем, что он так неумело и грубо рассказал, не было ничего смешного и веселого, но хохотал он с удовольствием и даже с радостью.* [5, с. 271]

И даже теперь княгине лишь все еще представляется, что доктор бьет ее шляпой по голове, и «все еще ей казалось», хотя она уже и предельно растеряна: *У княгини страшно билось сердце, в ушах у нее стучало, и все еще ей казалось, что доктор долбит ее своей шляпой по голове. Доктор говорил быстро, горячо и некрасиво, с заиканьем и с излишней жестикуляцией; для нее было*

только понятно, что с нею говорит грубый, невоспитанный, злой, неблагодарный человек, но чего он хочет от нее и о чем говорит – она не понимала. [5, с. 272]

После этого у главной героини наступает период душевной инфантильности, переходящей в мазохизм: *Она чувствовала себя обиженной и плакала, и ей казалось, что и деревья, и звезды, и летучие мыши жалеют ее; и часы пробили только для того, чтобы посочувствовать ей. Она плакала и думала о том, что хорошо бы ей на всю жизнь уйти в монастырь: в тихие летние вечера она гуляла бы одиноко по аллеям, обиженная, оскорбленная, не понятая людьми, и только один бог да звездное небо видели слезы страдальцы. В церкви еще продолжалась всенощная. Княгиня остановилась и прислушалась к пению; как хорошо это пение звучало в неподвижном, темном воздухе! Как сладко под это пение плакать и страдать!* [5, с. 274].

Перед сном она опять занимается самобичеванием. Она представляет, как она будет разорена и ее все покинут, начнут говорить грубости, будут злословить, смеяться, а она *«уйдет в монастырь, и никому ни одного слова упрека; она будет молиться за врагов своих, и тогда все поймут ее, придут к ней просить прощения, но уж будет поздно...»* [5, с. 274] С этими мыслями княгиня заснула.

Третья композиционная часть пронизана опять светлыми тонами, что передается соответствующей лексической наполняемостью безличных предложений.

Когда она проснулась, было уже половина десятого, «яркая полоса света от луча шла из окна». *«Рано!» – подумала княгиня и закрыла глаза.* [5, с. 274] Этим «рано», как нам видится, сказано через восприятие героини и то, что не нужно никуда спешить, и то, что все нормально, и то, что она может себе позволить еще послать. Окончательно проснувшись *«она улыбнулась и подумала, что если бы эти люди сумели проникнуть в ее душу и понять ее, то все они были бы у ее ног...»* [5, с. 274] Это, в принципе, так и получилось, когда ее позднее провожали: *Ее приятно удивило, что вместе с монахами у крыльца находился и доктор [5, с. 275], которому княгиня улыбнулась и протянула к его губам руку.*

И опять у княгини прекрасное настроение, ей всё в радость, она порхает: *На душе у нее было весело, ясно и тепло, и сама она чувствовала, что ее улыбка необыкновенно ласкова и мягка. Она думала о том, что нет выше наслаждения, как всюду носить с собою теплоту, свет радости прощать обиды и приветливо улыбаться врагам.* [5, с. 275]

Наступает обычное для нее, невесомое, счастливое состояние, когда ей опять лишь все кажется: *Встречные мужики кланялись ей, коляска мягко шуршала, из-под колес валили облака пыли, уносимые ветром на золотистую рожь, и княгине казалось, что ее тело качается не на подушках коляски, а на облаках, и что сама она похожа на легкое, прозрачное облачко... Как я счастлива! – шептала она!* [5, с. 275]

Так через безличные единицы отражается внутренний мир человека.

Литература

1. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова [и др.]; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М., 1996.
2. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М., 1997.
3. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – М., 1946. Цит. по изд.: Р. М. Фрумкина Психолингвистика. – М., 2001.
4. Львов, М. Р. Основы теории речи / М. Р. Львов. – М., 2002.
5. Чехов, А. П. Собрание сочинений: в 8 т. / А. П. Чехов. Рассказы, повести, статьи и фельетоны 1887-1891 гг. – М., 1970. – 4 т.